

*Памяти моего дедушки –
Плёткина Андрея Захаровича.*

Мои первые детские воспоминания связаны с моим дедушкой (по отцу) или декой, как его звали в нашей семье. Лето 1948 года, Новосибирск. Мне 4,5 года. Мама, дядя Дима (муж двоюродной сестры моего папы) и я идём вдоль глухого, высокого забора. Вокруг пустырь, никаких домов. Жарко, пыльно, очень хочется пить. Я устала и начинаю потихоньку хныкать. Дядя Дима – донской казак (сильный, огромного роста) – не может взять меня на руки, так как он вместе с мамой несёт набитые чем-то сумки.

Мама уговаривает меня потерпеть ещё немного, утешая тем, что скоро я увижу дедушку. Дедушка... Я его не помню, он приезжал к нам на Алтай, в Алейск, когда я только родилась, слабая и болезненная. Была выписана из больницы на выживание. Шла война, зима 1944 года. Родители, эвакуированные из Москвы, жили впроголодь. Дека, посмотрев на меня во время купания, сказал: «Это не ребёнок, это какой-то ободранный заяц...».

Через два года, в 1946-м, он был арестован как враг народа, обвинён в антисоветской пропаганде и в антисоветской деятельности на территории Новосибирской области в 1919 году, приговорён к 10 годам лишения свободы по статье 58-2, с отбыванием срока наказания в ИТЛ МГБ в Карагандинской области. После суда, перед этапированием его в Карлаг, дали последнее свидание с родными, на которое мы сейчас и торопимся.

Но об этом я, конечно, ничего не знаю в силу своего возраста. Поэтому при слове «дедушка» мне представилась нарядная ёлка, весёлый краснощёкий Дед Мороз с конфетами. В предвкушении сладостей и веселья я перестаю плакать, стараюсь не смотреть на нескончаемый забор, усердно перебираю уставшими ножками по колдобистой, пыльной дороге. Взрослые и дети живут в разных мирах, иногда параллельных. Маме и дяде Диме в этот момент не до детских представлений и переживаний. Они молоды и, я думаю, им страшно и тревожно идти в тюрьму на это последнее свидание. Я чувствую это. Всегда ласковые и любящие, они как-то непривычно отстранены от меня и заняты обсуждением чего-то непонятного, но очень важного для них.

Память выхватывает следующую картинку. Большая комната, но в ней тесно от людей, в основном женщин. Когда дядя Дима наконец-то взял меня на руки, то я, с высоты его огромного роста, вижу много женских голов в платках. Память сохранила почему-то серый цвет. Много-много серых голов, движущихся, говорящих, тревожных, пытающихся пробиться к какому-то дядьке. Моя мама

тоже в этой серой толпе, и тоже размахивает какими-то бумажками. Наконец она вернулась и сказала, что надо ждать. Мы терпеливо ждём.

Наконец мужской голос крикнул: «Кто к Плёнкину?». Мама с дядей Димой торопливо подхватывают сумки и устремляются к какому-то окошку. Я вновь оказываюсь на полу и ничего не вижу кроме их ног. Мама почему-то плачет, уговаривает «кого-то» взять все сумки, но этот «кто-то» зло кричит на неё. Большой и сильный дядя Дима почему-то потерянно и как-то смиренно стоит рядом. Вдруг он вспоминает обо мне, подхватывает меня под мышки и поднимает к окну.

Вместо Деда Мороза я вижу худого, длиннолицего, обритого наголо мужчину с ввалившимися глазами в чёрной робе. Я испугалась, хотела заплакать, но он улыбнулся и попытался протянуть ко мне руку. Удивительно, но страх исчез, я тоже протянула к нему свои ручонки. Но мы не успели дотронуться друг до друга. «Кто-то» закричал: «Всё, свидание закончено!» и захлопнул окно. Я заплакала, громко и отчаянно. Помню, как дядя Дима стал стучать своим огромным кулачищем в окошко; какая-то женщина кричала: «Изверги, дайте ребёнку посмотреть!». Испуганная мама потянула дядю Диму от окна...

И вновь мы идём вдоль длинного ненавистного забора, а я всё плачу и плачу, пока, устав от слёз, не засыпаю на дяде Димином плече.

«Почему я не заплакала, когда вместо веселого Деда Мороза увидела изможденного деку?» – задавала я позднее себе вопрос.

Спустя многие годы, посетив со своей семьёй места, где жили бабушка с бабушкой, составив родословную и обретя свои корни, возможно, я нашла ответ.

В момент последнего свидания детская душа узнала родную ей и без страха потянулась к ней, чтобы облегчить её страдания. Все эти годы я тешу себя мыслью о том, что и мои детские ручонки помогали деке выносить тяжелейшие испытания в сталинском лагере.

А. З. Плёнкин умер 15 марта 1954 года. Захоронен на кладбище 9-го отделения Песчаного лагеря Карагандинской области.

Реабилитирован в сентябре 1996 года.